

ворим о первом советском правительстве, как самом образованном правительстве мира. В доказательство же приводим знание иностранных языков. Да, революционеры, часто бывавшие в эмиграции, языки знали. Но большинству из них приходилось учиться «понемногу чему-нибудь и как-нибудь», больше полагаясь на самообразование. Вспомните, почти каждый из них за революционную деятельность изгонялся со студенческой скамьи, так и не кончив курса. Самообразование же революционеров было весьма избирательно, сужено, так сказать, сверхзадачей. Маркс, Бебель, Каутский — вот их настоящие книги. (Все относительно, конечно, и последующие наши правительства все больше уступали первому по культуре, докатываясь до полного бескультурья.)

Революция строго отбирала своих пророков и героев, безжалостно бракуя «интеллигентскую мягкотелость». Это человеческое качество считалось смертным грехом. Да разве смогли бы «гнилые интеллигенты» принять «экспроприацию экспроприаторов», то есть разбой с «благородной целью?». Разве могли бы они смириться о расстреле царской семьи «во имя высшего блага?» Разве смогли бы признать социалистический реализм «единственно возможным жанром искусства?»

Конечно, среди ленинской плеяды руководителей попадались еще по-настоящему интеллигентные люди. А вот пришедшая им на смену молодая генерация, вскормленная, воспитанная, по сути дела, уже Сталиным, отличалась более сильным характером, но меньшим уровнем культуры и образования. К этой генерации как раз и принадлежали мои родители.

Мать, как рассказывали ее престарелые подруги, выделялась своей образованностью в кругу сверстников — все-таки буржуазная гимназия умела учить. Позднее, в московский период жизни моих родителей, отец, подвозя жену на дачу, если случалось ехать в одной машине с Хрущевым, всякий раз просил ее «не высовываться», «не затевать разговор об искусстве».

Чтобы мать, не дай Бог, не поставила Никиту Сергеевича в тупик. Так что на фоне других мать вполне сходила за интеллигентку. Но если разобьются — после неполного курса гимназии два года учебы в насквозь политизированном вузе — «Свердловке» — и такая же политизированная аспирантура. Мать вспоминала, какие строгие были ее учителя. Один, например, требовал точно указать страницу «Капитала», на которой Маркс впервые упомянул выражение «прибавочная стоимость».

На долю матери еще досталось немного систематических знаний, отцу же повезло и того меньше. Он окончил лишь гимназию, а потом все время учился урывками, вырывая минуты у отдыха и сна.

Мать вспоминала, как насмешливо относились они к «старикам» — ветеранам партии, среди которых попадались все-таки интеллигенты. Молодежь считала их путаниками, безнадежно отставшими от жизни. Молодые жаждали предельной ясности и полной определенности. Дорога к всеобщему счастью должна быть прямой, как стрела, без зигзагов и виражей, а старики подчас чересчур мудрили. «Рудзутака мы, например, в своем кругу называли рудзу так — рудзу этак», — говорила мне мать. «Что это значило?» «А то, что он всегда хотел рассмотреть вопрос с одной и с другой стороны. Вилял».

Стремление Сталина упрощать теоретические сложности, раскладывая их по полочкам, им весьма импонировало. Импонировало и то, что Сталину неведомы были сомнения. По крайней мере, он их публично никогда не обнаруживал. Сталин всегда знал, как надо. Это уже потом поздним, так сказать, умом, разглядим в этом качестве опасность: «Не бойтесь тюрьмы, не бойтесь сумы, не бойтесь мора и глада, а бойтесь единственно только того, кто скажет: “Я знаю, как надо!”» И дальше: «Гоните его! Не верьте ему! Он врёт! Он не знает, как надо!». Это Галич.

После окончания «Свердловки» новоиспеченного знатока коммунистических наук девятнадцатилетнюю Лайму Целмс направили на